

*Е.Н. Торшин*

## НОВАЯ НАХОДКА ДРЕВНЕРУССКОЙ НАДПИСИ И ИЗОБРАЖЕНИЯ КНЯЖЕСКОГО ЗНАКА В СМОЛЕНСКЕ

**EN. Torshin. A New Find of an Early Russian Inscription and an Image of a Knyaz' Sign in Smolensk.**

The article is about an inscription and a knyaz' sign found on a wall in St.-Trinity Monastery on the Klovka river. Both are related by the author to the activities of the knyaz Rostislav Rurikovich, although it is only one of suppositions.

На многих сооружениях и предметах, относящихся к домонгольскому периоду истории Древней Руси, встречаются изображения двузубцев, трезубцев или фигур багровидной формы различных очертаний. Они встречаются на объектах самого разного назначения: от бытовых вещей и инструментов до украшений, парадного оружия и даже монументальных построек. Некоторые из этих знаков присутствуют на древнейших русских монетах и печатях, то есть символах княжеской власти и полномочий, поэтому данные изображения были интерпретированы как личные знаки древнерусского княжеского рода Рюриковичей. Иногда для обозначения этих знаков употребляется тюркский термин «тамга».

В настоящее время, по оценкам исследователей, известно несколько десятков разновидностей «знаков Рюриковичей» (Молчанов 1985: 66-67). Однако только некоторые из них можно уверенно соотнести с тем или иным князем. Имя владельца ставилось рядом со знаком крайне редко. Такое сочетание встречается, пожалуй, только на древнерусских монетах. В остальных случаях атрибуция знаков носит гипотетический характер. Чаще всего для этого используют памятники сфрагистики. Но даже они не могут быть надежным источником. Например, изображение святого на печатях не обязательно указывает на имя князя, которому принадлежал знак, помещенный на оборотной стороне (Янин 1970: 144).

Отсутствие точной персонификации знаков создает серьезные трудности в их изучении. Пока остается не совсем ясным, как происходило изменение или наследование знака, какой порядок существовал в их применении, да и все ли знаки в виде двузубцев или трезубцев следует считать княжескими? Для решения этих вопросов по-прежнему требуются хорошо атри-

бутированные изображения.

Находка такого княжеского знака, сопровождаемого именем владельца, была сделана в Смоленске.

В 1997 году Смоленский отряд архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством автора проводил археологические исследования на месте Троицкого монастыря. Этот монастырь располагался к западу от Смоленска, за пределами древнего города, на мысу при впадении в Днепр небольшой реки Кловки. В письменных источниках не сохранилось сведений о времени основания обители. Впервые монастырь был упомянут только в документах начала XVI века (Акты 1846: 370). Гораздо больше сведений сохранилось о последних десятилетиях существования монастыря. В 1633 г. здесь находился лагерь русских войск, осаждавших Смоленск. После неудачи этой военной экспедиции отступающие войска по приказу воеводы Прозоровского взорвали монастырскую церковь (Vyblitoka 1995: 42). Действительно, на главном графическом источнике по топографии древнего Смоленска – гравюре Гондиуса 1634 г. в устье реки Кловка изображена разрушенная постройка (Воронин, Раппопорт 1979: 197).

В 1972-1973 гг. на территории монастыря были проведены археологические раскопки (руководитель П.А. Раппопорт), в ходе которых обнаружены и исследованы руины древнего храма (Воронин, Раппопорт 1979: 196-220). Это оказалась постройка домонгольского времени, о чем свидетельствует, в первую очередь, строительная техника здания, построенного из плинфы на цемяночном растворе. По архитектурным формам храм представлял довольно близкую аналогию церкви Архангела Михаила (1180-1196 гг.). Это позволило автору исследованный памятник сузить датировку до 90-х гг.

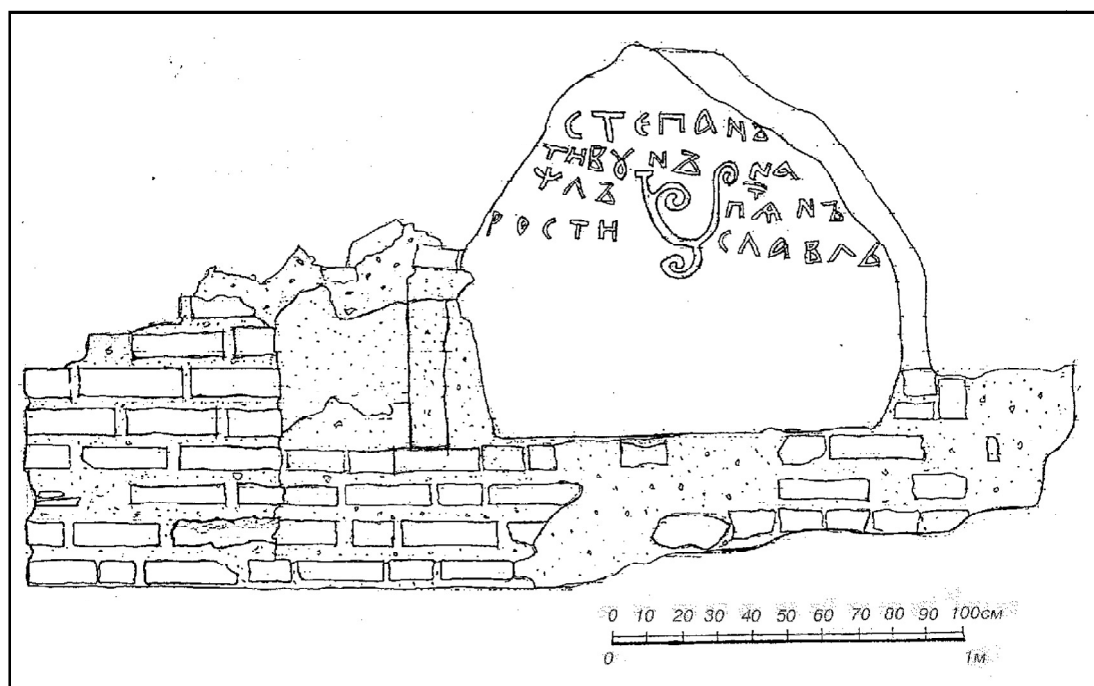


Рис. 1. Смоленск. Троицкий монастырь на реке Кловке. Валун с надписью и княжеским знаком (XII–XIII вв.) в стене трапезной палаты монастыря XVI в.

XII в. (Воронин, Раппопорт 1979: 213).

Таким образом, первая постройка в устье реки Кловки появилась еще в домонгольское время. Учитывая удаленность этого места от Смоленска, можно полагать, что тут располагался загородный монастырь или княжеский двор. Поблизости находился также монастырь Бориса и Глеба на Смядыне, служивший усыпальницей смоленских князей. Вокруг него группируются несколько памятников домонгольской архитектуры, в числе которых и уже упомянутая церковь Архангела Михаила. Существует версия, что все эти здания были постройками дворов смоленской княжеской династии или княжеских монастырей (Алексеев 1980: 153–154). Таким образом, появление подобного монастыря на Кловке и возведение в нем монументальных построек выглядит вполне закономерным.

Но около домонгольского собора Троицкого монастыря сохранились руины еще одного памятника.

В 1997 г. начались археологические раскопки остатков неизвестного здания, расположенного под холмом к западу от монастырского храма (Е.Н. Торшин). Открытое сооружение представляло собой постройку, состоящую из трех помещений. Самое большое из них было квадратным в плане и перекрывалось сводами, опирающимися на столб в середине. Одно из малых помещений, находившееся в юго-западном углу здания, как показали исследования 1999 г., заканчивалось с востока полукруглой апсидой. Такой план обычно имели трапезные палаты с церковью, которые строились в рус-

ских монастырях в XVI–XVII вв. Однако в начале XVII века постройки монастыря были уже разрушены. Это хорошо видно на плане Гондиуса 1636 года (Даниловский 1904). Следовательно, палата появилась раньше, но наличие апсиды у трапезной церкви указывает, что она была построена ближе к концу XVI века. Такой дате не противоречит и строительная техника здания. Оно было построено из брускового кирпича на булыжном фундаменте, в основание которого, в дно рва, были забиты деревянные сваи.

Во время изучения руин трапезной палаты в южной стене этого памятника была обнаружена ниша, в которой находился крупный осколок гранитного валуна размером 1,20 × 1,00 м (рис. 1). На образовавшейся в месте скола плоскости был высечен «знак Рюриковичей» в виде двузубца на ножке, загнутой влево. Правый отрог двузубца был завернут вправо, левый заканчивался перпендикулярной перекладиной. Ниже перекладины, справа к левому отрогу примыкал ещё один завиток. Знак был выполнен тщательно, глубина линии составляла 1–1,5 см.

Вокруг знака располагалась четырехстрочная надпись, являющаяся комментарием к данному изображению: «СТЕПАНЪ ТИВУНЪ НАЧАЛЬ П(Я)ТНЪ РОСТИСЛАВЛЬ». Надпись и знак занимали только верхнюю половину плоскости, на которой они были высечены.

Несмотря на то, что камень был вставлен в стену здания XVI века, надпись относится к более раннему времени. По палеографическим особенностям она датируется, по определению Т.В. Рождественской и Е.Э. Сливы, последними десятилетиями XII – началом XIII вв. Вероятно,

первоначально камень находился поблизости от монастырского собора, может быть, на месте трапезной палаты. Он был вкопан в землю, и этим объясняется расположение надписи в его верхней части. После строительства трапезной валун был перенесен в специально подготовленную для него нишу.

Надпись на смоленском камне дает новую информацию для решения целого комплекса вопросов интерпретации знаков, их функции и порядка употребления.

Двузубец на смоленском камне назван «п(я)тн(о)». Именно этим словом назывались в древнерусских письменных источниках знаки, которыми отмечалось имущество. «Пятна» упоминаются в Ипатьевской летописи («холопи ею покралѣ конѣ Мьстиславли оу стадѣ и пѣтны своѣ въскралѣ» – ПСРЛ, т. II: 541). В смоленской надписи впервые изображение двузубца и его название оказались рядом. Таким образом, этот текст подтвердил функцию «знаков Рюриковичей». Теперь, благодаря этой находке, мы можем уверенно считать, что подобные знаки действительно служили для обозначения имущества.

Однако изображения двузубцев или похожих фигур мы встречаем часто на предметах, напрямую не связанных с князьями. К таким можно отнести, например, керамику или строительные материалы. Это может вызвать сомнения в том, что все подобные знаки можно считать княжескими. В тексте же обнаруженной нами надписи говорится, что двузубец был высечен тиуном, то есть представителем администрации князя, действующим, как это следует из контекста, от его лица. Таким образом, нет сомнения, что данный знак является княжеским. Велика вероятность, что и другие похожие на него знаки следует также связывать с Рюриковичами.

О назначении камня с княжеским знаком можно судить лишь гипотетически. Это не единственный объект подобного рода древнерусского времени. Похожий валун со «знаком Рюриковичей» находился, например, около села Волгино Верховье (Ильин 1947: 179-181). Учитывая имущественный характер этих изображений, вероятно, мы имеем дело с межевыми знаками, отмечающими границы княжеских владений.

И, наконец, самое главное. Смоленская надпись называет имя владельца тамги – Ростислав. Кто из князей с этим именем пользовался знаком, изображенным на камне?

Принято считать, что каждый князь из династии Рюриковичей имел свою индивидуальную тамгу, которая идентифицировала его имущество, причастность князя к определенным действиям и, следовательно, должна была узнаваться современниками и потомками. Порядок изменения знаков был реконструирован по этнографическим данным. Известно, что каждый

новый хозяин, в нашем случае – князь, добавлял к знаку своего отца лишь небольшую дополнительную черту – «отпятныш» (Рыбаков 1940). Поэтому знаки родственников должны быть похожи.

Определить, кому из князей принадлежал знак на смоленском камне, на первый взгляд, достаточно просто. Можно предположить, что владения в устье Кловки могли иметь князья, занимавшие смоленский престол, среди них двое носили имя Ростислав. Первым следует назвать Ростислава Мстиславича старшего, княжившего в Смоленске с 1125 по 1159 г. Кроме него, в летописях в качестве смоленского князя упомянут другой Ростислав. Он был князем в Смоленске в 1230-1232 гг. и около 1239 года, и затем, в 1240 г., ненадолго захватил Киев (ПСРЛ, Т. II: 334,339). Предположительно, это был сын князя Мстислава Романовича и правнук старшего Ростислава Мстиславича (Янин 1970: 97). Учитывая палеографическую датировку надписи, знак на камне следовало бы связать с Ростиславом, княжившем в Смоленске в 30-х гг. XIII века. Однако атрибуция изображения усложняется тем, что знак подобного вида встречается довольно часто.

Двузубец таких же очертаний, как и на камне из Смоленска, находится на свинцовых печатях, происходящих из Новгорода. На оборотной стороне одной из них изображен св. Мина, на двух других – св. Николай (Янин 1970: № 297, 298). Как мы видим, изображения святых не могут указывать здесь на имя владельца знака. Мы полагаем, что следует согласиться с В.Л. Яниным, который считал, что Мина и Николай являются христианскими именами лиц, представлявших князя, например, тысяцких (Янин 1970: 146). Смоленская надпись подтверждает возможность такой ситуации. Ведь текст надписи можно рассматривать как документ особого рода. Смысл же действий, зафиксированных этим актом, состоит в том, что тиун Степан от имени князя устанавливает и закрепляет его право на определенную территорию, в подтверждение чего на камне ставится княжеская тамга. В этой связи можно предположить, что и печати с княжескими знаками прикладывались к документам, касающимся княжеских прав или имущества.

Но если буллы из Новгорода не дают возможности достоверно определить, чьим «пятном» был рассматриваемый нами двузубец, то другие случаи открытия данного знака указывали, как казалось, на его бесспорную атрибуцию.

Точно такой же знак был высечен на двух каменных постройках Владимира: Золотых ворот и кивории перед церковью в Боголюбове (Воронин 1946: 65; 1949: 215). Заказчиком обеих построек был Андрей Боголюбский, что позволило считать данный двузубец знаком этого князя. Смоленская находка полностью

разрушила эту атрибуцию, так как рядом с «пятном» стояло имя Ростислав.

Но в бесспорности принадлежности знаков из Владимира Андрею Боголюбскому сомневался В.Л. Янин. Он пытался найти объяснение появлению печатей с изображением данного вида знака в Новгороде, где никогда не княжил Андрей. Конечно, буллы могли попасть в Новгород вместе с документами, присланными из Владимира, но В.Л. Янин предложил другую версию. По его мнению, знаки на кивории и Золотых воротах не тождественны друг другу. Двухзубец на кивории, согласно В.Л. Янину, имеет дополнительный горизонтальный отрог на вершине левого зубца. Именно эту «тамгу», полагал исследователь, и следует связывать с Андреем Боголюбским. Тогда как другой знак должен принадлежать родственнику Андрея, так как оба двухзубца очень близки друг другу. В качестве наиболее вероятных обладателей этого знака В.Л. Янин называет брата Андрея – Мстислава Юрьевича или его сына Юрия Андреевича (Янин 1970: 146). Все они какое-то время были новгородскими князьями. Но среди родственников Андрея Боголюбского, занимавших престол в Новгороде, был и его старший брат Ростислав Юрьевич.

Имя этого князя не только соответствует названному в смоленской надписи, но и некоторые обстоятельства его жизни также тесно связаны со Смоленском. Ростислав был старшим сыном Юрия Долгорукого. На протяжении многих лет Юрий был главным противником своих племянников – смоленского князя Ростислава и его брата, волынского князя Изяслава, – в борьбе за Киев. Но отношения между двумя ветвями потомков Владимира Мономаха не всегда носили враждебный характер. Открытое противостояние началось только в 1147 г., когда Изяслав стал киевским князем. До этого Мономаховичи даже пытались организовать совместные действия против общего врага – князей из черниговского рода Ольговичей. Так в 1138 г. в Смоленске для похода на Киев должны были соединиться силы Юрия Долгорукого, смоленского Ростислава Мстиславича и Ростислава Юрьевича, княжившего тогда в Новгороде. Но накануне новгородцы выгнали от себя Ростислава. Сын Юрия бежал в Смоленск (НПЛ, 1950: 211).

С этого времени между Ростиславом Юрьевичем и смоленским князем поддерживались особые отношения. Иногда они шли вразрез с позицией его отца. Такое поведение старшего сына Юрия мотивировалось отсутствием у него собственного удела. Ростислав был вынужден подчиняться воле отца и занимать те престолы, которые были нужны Юрию для реализации его политических целей. Но Ростислав часто оказывался заложником политики отца. Находясь в центре столкновений разных княжеских династий, он сам оказывался разменной

фигурой. В этой ситуации Ростислав стремился найти надежных союзников. Возможно, поэтому происходит его сближение с потомками Мстислава Великого.

Пребывание Ростислава Юрьевича в Смоленске, казалось, позволяет считать знак из Троицкого монастыря на Кловке его «тамгой». Однако следует помнить, что старший сын Юрия умер в 1151 году. Строительство же Золотых ворот во Владимире и кивория в Боголюбове, на которых изображены интересующие нас знаки, было осуществлено Андреем Боголюбским значительно позднее, в 60-е гг. XII в. Появление «тамги» уже умершего князя на зданиях, созданных его братом, объяснить трудно. Правда, владимирский престол ненадолго в 1175 году занял сын Ростислава Юрьевича Ярополк (ПСРЛ, Т. I, 1926: 373). Но если мы будем придерживаться мнения, что каждый князь-Рюрикович имел собственную тамгу, то этому князю также не мог принадлежать знак на постройках Владимира.

Кроме того, союз Ростислава Юрьевича со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем существовал недолго. Уже в 1149 г., по сообщению Ипатьевской летописи, Ростислав приезжает к Юрию Долгорукому с жалобой на Мономаховичей, выгнавших его с Переяславского княжения (ПСРЛ, Т. II, 1962: 372). Это означает, что еще раньше он перешел на сторону своего отца, который и посадил его в Переяславле. Следовательно, Ростислав находился в Смоленске только в 40-х гг. XII века. Но надпись на камне датируется концом XII века. И хотя палеографические датировки всегда допускают их корректирование в ту или другую сторону, все же ранняя дата надписи и знака вызывает сомнение.

При интерпретации смоленского «пятна», на наш взгляд, следует учесть еще одно обстоятельство. Изображения, напоминающие «знаки Рюриковичей», встречаются на плинфе многих памятников архитектуры Смоленска. Мы знаем, что для атрибуции княжеских знаков довольно рискованно привлекать изображения на строительных материалах. Знаки на плинфе очень разнообразны, и фигуры, близкие «знакам Рюриковичей», составляют среди них лишь небольшую долю. Их интерпретация к тому же затруднена тем, что мы не знаем достоверно функцию изображений на плинфе. П.А. Раппопорт предполагал даже, что они имели чисто производственное назначение: по таким меткам определяли порядок и время сушки и обжига кирпича-сырца (Раппопорт 1977: 28-33).

Однако на смоленской плинфе есть серия знаков, очертания которых с высокой долей вероятности позволяют относить их к княжеским «тамгам». Эти изображения были обнаружены при исследовании широкого круга памятников. В него входят Борисоглебский собор

Смядынского монастыря, церковь Петра и Павла, собор на Поротоке, церковь на Воскресенской горе и собор Троицкого монастыря на реке Кловка (Раппопорт 1999: рис.1, Белецкий 1999: табл.1). Все эти здания были возведены в разное время разными заказчиками. Но «знаки Рюриковичей» на плинфе из этих построек, как правило, очень сходны друг с другом. Чаще всего это двузубцы колоковидных очертаний. К знакам такого типа относится и «пятно Ростиславле».

Возможно, Ростислава, упомянутого в надписи на камне, все-таки следует искать среди представителей княжеской династии Смоленска. Для этого, мы полагаем, следует обратиться к истории освоения территории в устье реки Кловка в том виде, как она представляется по археологическим данным.

Мы уже упоминали, что ближайшая округа этого места была районом княжеских монастырей и дворов. Возможно, что камень со знаком и отмечал территорию такого монастыря. Археологические исследования, проведенные в 1997 г. экспедицией Государственного Эрмитажа показали, что культурный слой в устье Кловки практически не содержал домонгольского материалов. Вероятно, до строительства собора эта территория не была освоена. Таким образом, время строительства плинфяного храма и возможное основание монастыря совпадают, а Ростислав – имя его основателя. Церковь на реке Кловке была построена в 90-е гг. XII века, следовательно, и Ростислав, названный в надписи на камне, должен был жить в эти годы. При этом наши поиски не должны ограничиваться только кругом лиц, княживших или постоянно пребывавших в Смоленске или Смоленской земле, ведь иметь свой монастырь мог любой член смоленской княжеской семьи.

Среди князей смоленской династии, кроме уже названных, известен еще один с именем Ростислав. Это сын Овручевского князя, а затем и князя Киевской земли Рюрика Ростиславича. Рюрик, хотя и никогда не княжил в Смоленске, после смерти своего старшего брата Романа был фактически главой смоленских князей и главным претендентом на киевский престол. Его сын Ростислав долгое время был при отце, участвовал вместе с ним в походах. С конца 80-х гг. XII века он занимал ряд уделов в Киевской земле, среди них – Белгород, Вышго-

род и Овруч. В 1204 г. он становится даже киевским князем. Но для нас важным является то, что Ростислав был женат на дочери владимирского князя Всеволода Большое Гнездо (ПСРЛ, Т. II, 1965: 658). Всеволод оказывал покровительство своему зятю, и Ростислав даже какое-то время жил во Владимире. Таким образом, именем этого князя оказываются связанными два пункта, где существуют памятники с «пятном» Ростислава.

Следует вспомнить и еще один случай обнаружения данного княжеского знака. В Галиче был найден перстень с «тамгой», аналогичной изображенной на владимирских Золотых воротах и на смоленском камне (Володченко 1951). Тогда, естественно, ее посчитали знаком Андрея Боголюбского. Но известно, что Ростислав Рюрикович неоднократно бывал в Галиче и Галицкой земле и даже претендовал на это княжение. Так, в 1189 г. он вместе с Романом Мстиславичем участвует в походе на Галич, закончившимся осадой Пресненска (ПСРЛ, Т. II, 1962: 662). По сообщению Татищева, галичане обращались в 1197 г. к киевскому князю Рюрику Ростиславичу прислать им княжить своего сына Ростислава (Татищев 1995: 165). В 1206 г. Ростислав Рюрикович вместе с отцом принимал участие в походе на Галич коалиции князей (ПСРЛ, Т. I, 1926: 462; Татищев 1995: 182). Поэтому перстень с «тамгой» этого князя мог вполне появиться в Галицкой земле. Следовательно, данный предмет мы также можем связать с именем Ростислава Рюриковича. Перстень мог носить кто-то из окружения князя, может быть также его тиун.

Итак, связь надписи на камне со строительством храма на Кловке, родственные связи и эпизоды деятельности князя Ростислава Рюриковича позволяют видеть в нем наиболее вероятного обладателя знака на смоленском камне.

Конечно, атрибуция «пятна» Ростислава Ростиславичу Рюриковичу не может считаться окончательной. У нас еще нет достаточных оснований, чтобы остановиться на одной из предложенных версий. Возможно, дальнейшие исследования княжеских знаков позволят уточнить, подтвердить или опровергнуть одну из них. Однако редчайший случай подписанной княжеской тамги открывает новые возможности в разрешении загадки «знаков Рюриковичей», их значения и порядка употребления.

#### ЛИТЕРАТУРА

Акты 1846 – Акты, относящиеся к истории Западной России. Т.1. СПб.  
Алексеев Л.В. 1980. Смоленская земля в XI – XIII вв. М.  
Белецкий С.В. 1999. К вопросу об информативных возможностях знаков на древнерусских кирпичках // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тезисы докладов. СПб.

Даниловский А. 1904. План осады и обороны города Смоленска в 1632 и 1634 гг. с объяснительным текстом // Материалы Военно-ученого архива. Картографические материалы. Вып. II. СПб.  
Володченко З.А. 1951. Перстень-печать XII в. // КСИ ИМК. Вып. XXXVI.  
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. 1979. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л.

- Воронин Н.Н. 1946. Боголюбовский киворий // КСИИМК. Вып. XIII.
- Воронин Н.Н. 1949. Оборонительные сооружения Владимира. // МИА СССР. Вып. 11. М.
- Ильин С.Н. 1947. Новый эпиграфический памятник XII века в верховьях Волги // КСИИМК. Вып. XVII.
- Молчанов А.А. 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X – XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. М. НПЛ, 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.
- ПСРЛ. 1926. Полное собрание русских летописей. Т. I. Л.
- ПСРЛ. 1962. Полное собрание русских летописей. Т. II, М.
- Раппопорт П.А. 1977. Знаки на плинфе // КСИИМК. Вып. 150.
- Раппопорт П.А. 1999. Княжеские знаки на памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. Тезисы докладов. СПб.
- Рыбаков Б.А. 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X – XII вв. // СА. Т. VI.
- Татищев В.Н. 1995. История российская. Т.2. М.
- Янин В.Л. 1970. Актовые печати Древней Руси. М. Выблиотека 1895. Wyblioteka ordynacyi Krasinskiich. Warszawa, t.13.